

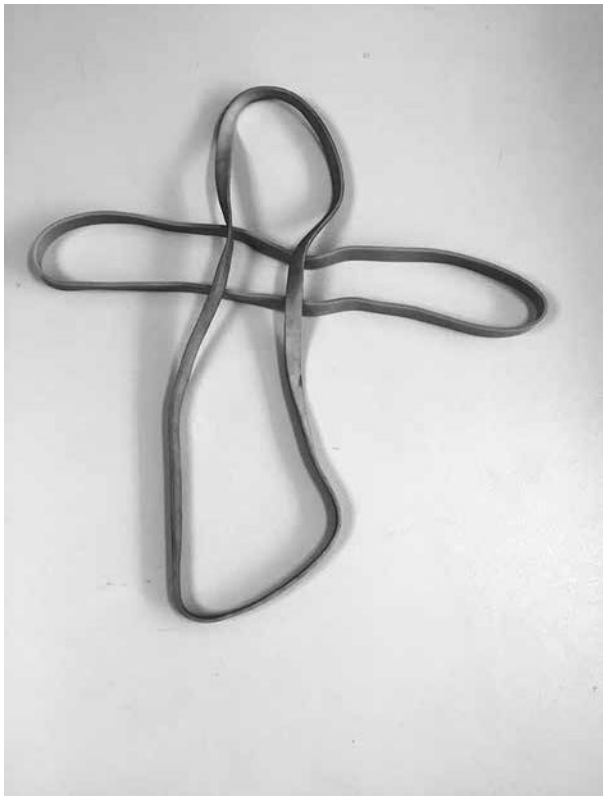
На этом сеанс гипноза был окончен, в этом интересном рассказе не было нужной информации, не было сказано ничего о самом капитане Айсберге, что бы помогло узнать его дату смерти. Что было действительно поразительно, это копия картины того острова, которая оказалась в комнате Мартина: те же пейзажи с морем и только одна могила с крестом. Все сводилось к тому, чтобы на следующем сеансе узнать участь двоих выживших и то, почему появился на том месте крест, если желанием того священника было не ставить его.

Следующую встречу назначили через неделю, чтобы у Мартина было достаточно времени нарисовать новые копии. Главным условием было рисовать несуществующие картины, но в стиле современных художников, и не останавливаться. По пути домой Мартин и Генри проходили мимо людей, просящих подаяние, и легко теперь могли меняться своими лицами. Вечером он пригласил к себе Сэма Лавлока на следующие выходные — просто попить чаю, чему тот был рад.¹

Сэм, будь он на улице или за столом, везде представлял рядом с собой Сару: вместе они ходили куда-то, вместе смеялись и любили. Эти сны наяву казались порой слишком реальными: он мог часами говорить с ней о ее красоте и о том, что она слишком рано пришла в его жизнь,

но успокаивался всякий раз, когда осознавал, что сидит один за чашкой кофе или стоит на светофоре. Если он хочет остаться с ней, то нужно максимально близко подойти к ней, соответствовать ее высоте. Для этого он решил пойти на крайний шаг — поделиться своей идеей о лотерее с королевой Елизаветой II. Он написал ей письмо и стал ждать. Ждал теперь он тоже в мечтах, разрываясь между Сарой и приемом у королевы. Он тешил себя тем, что придет к ней в гости, визит будет показан по телевизору, и это увидит она. Теперь это продолжалось каждый день: он проверял свою почту по несколько раз каждый час в надежде увидеть, что королева пригласила его, но всякий раз находил лишь рекламу из пиццерий. Он не смел ни на минуту отчаиваться. Сэм погрузился в создание своей идеи с головой, как он будет ловить взгляд Сары, она будет смотреть на него как на равного ей. Они будут жить в одном доме, но все еще на разных этажах, поэтому он с нетерпением будет ждать, когда она спустится по лестнице, высеченной для ее детских ножек, собираясь побаловать землю своей прогулкой. Он не смел беспокоить ее звонками — все должно было произойти согласно плану, в котором он будет разговаривать с ней, попутно осыпая бриллиантами. Такую, как она, можно ставить в комнату с самыми редкими украшениями, чтобы ювелиры осознали кривизну своих рук по сравнению с высшим творцом.

¹ Публикуется в авторской редакции.

— Чего ты хочешь? — И так несколько раз, со стенами, доходившими до хрипоты и шепота.

С ответной улыбкой Сара сказала, что хочет действий, после чего вновь замкнулась. Что это могло означать, какого рода действий хочет она, он ответить не мог и вскоре лег спать на диван с мыслями о том, чем поразить ее, чтобы она была довольна. В голову лезли лишь бриллианты, которые сменились мыслями о том, что она спустится и предложит ему войти в обитель свою — ради этого он и оставался у них вновь и вновь и лежал на неудобном диване, но надежда становилась избыточной мечтой.

Наутро он спросил, чего она хочет. Ответ был совершенно иным — казалось, она забыла, что говорила буквально вчера. Утренний ответ ее заключался в том, что она обожает все планировать. Оба ответа были странные, но от обоих Сэм Лавлок пришел в восторг: она любит запланированные развлечения, любит держать веселье под контролем. Человек, который живет по таким законам, не попадался ему на глаза с момента рождения, такое мышление казалось ему загадкой. Он расспрашивал ее о планах на день, глядя на ее абсолютно чистое лицо, без макияжа, под которым остальные тщательно скрывают недостатки. Ее лицо было белоснежным и холодным, подобно первому снегу. Сэм стекал по комнате от восторга, как расплавленный сыр с куска хлеба. Она красива сама по себе, поэтому даже малое количество пудры с помадой не дополняют или украшают ее, а делают другой.

Юная Сара изъявила желание пойти в Галерею искусств, туда они и поехали на пустом автобусе. Говорили тоже о пустом: ему было сложно вечно подыскивать темы для разговора, так как слишком сильным был запах ее волос: хотелось взять их, поднести к лицу своему и забыться. Приехав в галерею, Сэм угостил ее кофе, хотя Сара поспешила сказать, что и сама вполне может купить его себе.

Выпив кофе, они отправились смотреть картины. Первые несколько залов прошли вместе — на одной из картин увидели Адама и Еву рядом с запретным плодом. Тут Сэм не сдержался и, выжав из себя немного желчи, обвинил художника в бесовщине, так как он изобразил у библейских героев пупки, что шло вразрез с историей о божественном происхождении. Сара сказала, что прежде не замечала таких мелочей.

Дальше они шли поодаль друг от друга: он делал вид, что очень заинтересован каждым из вывешенных произведений, но не мог оторваться от того, что сотворил сам Бог. Через плечи осталь-

На днях пришло письмо: государство Великой Британии рассмотрит его предложение. Это побудило его лежать на кровати затаив дыхание и видеть себя с какой-то наградой и прочими почестями, что заставит Сару гордиться им. Однако его все еще терзали сомнения по поводу медийности события: все-таки это не геройский поступок, а просто некая новая ветвь лотереи, в котором государство участвует как агент, получая процент, где выигрывает человек с заветным билетом и гражданин, отдавший свое имущество на такую авантюру. Было в этом нечто новое, но не соответствовало великому. Однако он все равно верил в успешность идеи, главное, в силу возраста он представлял себя в особенном освещении одаренных. Это письмо несказанно обрадовало его: он начал то ходить вприпрыжку, то красться, как тигр, наматывая круги по комнате. Он думал, как наведается к Саре и намекнет ей об успехе своем. Главное — уметь ждать.

Мистер Айсберг пригласил к себе в гости, но сам на ужине отсутствовал. Сидели тихо, Сэм мог слушать и временами вставлять свои комментарии, но бутылка вина развязала ему язык. Венди сидела рядом и на что-то жаловалась, после чего принялась ломать струны арфы. Под отвратительные уху звуки Сэм спросил Сару:

ных посетителей он смотрел лишь на нее, не моргая. К тому же он не хотел показаться слишком навязчивым — в таком культурном месте нужно ощущать свободу.

Выйдя на улицу, они смотрели на уже зимний ранний закат, говоря про каких-то ее дальних родственников. Как хотелось ему отсеять эти ненужные слова и сказать главные! Но было все еще слишком рано. Рано оттого, что недостойно быть он с ней, жить надеждами тоже было непозволительно — только бы королева поскорее ответила. Тогда можно было бы перестать скрывать свои чувства и излить Саре душу.

Когда они вышли из галереи, уже совсем стемнело, и они отправились на некий полурыннок-полуторговый центр, где Сара хотела приглядеть себе новые ботинки. Он хотел дать ей все, что она желает, но эта беспомощность подавляла его. От такой тоски у него проснулся аппетит, и он предложил ей пойти поесть. Все было ужасно: в его кармане оказались деньги лишь ему на бургер, поэтому покупать себе еду Саре пришлось самой. Это было действительно отвратительно. Только представьте: пригласить девушку поесть и не заплатить за нее. Возможно, другие не стали бы так переживать, дав этому поступку соответствующее объяснение, но только это был не тот случай. Во время обеда она задала вопрос, на который нужно было дать ответ. Она спросила про его планы на будущее. Само собой, человеку, который любит все планировать, будет важен его ответ. Он должен быть подкреплен планами глобального масштаба, но Сэм не имел права рассказывать про потерю. Пока был шанс, что подобного рода идея не перерастет в нечто реальное, он смело говорил, так как давать надежду на успех было рискованно. В этот момент он жесточайшим образом пожалел о том, что встретил Сару в столь юном возрасте, когда человек едва может обеспечить себя самого, и в то же время он хотел знать ее с рождения. Пришлось рассказать ей о своих планах на будущее, причем идея пришла ему в голову лишь несколько секунд назад. Он хотел писать стихи в стиле хокку.

От такой новости слабо горящая свеча во взгляде ее мгновенно погасла, оставив лишь ясно-синие глаза. Они продолжили свой путь мимо средней стоимости бутиков со слабо раскрученными брендами. Он сидел, она мерила ботинки — все шло к ногам ее, даже он сам. Слова одобрения пробежали слишком часто, так что цена его комплиментов явно терялась. Эта обувь была сшита усерд-

ным китайским мальчиком, пытавшимся скрыть ее происхождение.

Выйдя из магазина в крошечную тьму, подсвеченную вывесками изначально позабытых витрин, они зашли в другой магазин. Там продавали винтажные платья, которыми был забит зал. Тут не к чему было придраться — пахло историей вкуса. Опять в голову пришла безумная идея все скупить и подарить Саре, отчего голова начала клониться к полу и держалась лишь во имя надежды, возложенной на королеву. Он продолжил ощупывать платья и представлять в них ее, предлагая все, что попадалось ему под руку. Он ходил по магазину так же, как днем в музее, посматривая то на очередное платье, то на Сару. Засмотревшись на наряд из семидесятых, он почувствовал, что ее нет рядом с ним, и стал бродить кругами: вышел на улицу, снова зашел. Он позвонил ей — телефон был отключен. Вероятно, она была уже далеко — не смогла выдержать жалкое подобие ухода. Если он встретит ее в следующий раз, он и тут сможет ее оправдать: когда есть единственное желание — уйти, есть тысяча способов совершить побег. Он стоял на улице в надежде на то, что она тоже ждет его там, однако прохожие не расступались, чтобы показать ее. Тут раздался звонок — звонила она: наверное, хочет извиниться за все, потому как по-другому не может. Ее голос был слегка взволнован и звонок. Она сказала, что стоит в примерочной и ждет его. Снова пройдя сквозь двери, он увидел ступени, ведущие вниз, к примерочным, но там было пусто. Он произнес имя — и дверь открылась. Он увидел Сару: она была одета в облегающее платье зеленого цвета из шелка, который не мог сравниться с гладкостью кожи ее открытых плеч. Сэм потерялся и стал говорить монотонно и многократно, что ей это платье очень идет, что позволяло скрыть его открывшийся рот, но не его глаза, которые стали круглыми от вида ее тончайшей талии и круглых бедер. Заметив взгляд голодной собаки, она в изумлении велела перестать на нее так смотреть. Он опустил голову и начал бродить хохоча — возможно, тот взгляд и был выведен за круг приличия, зато она точно знает, что он переполнен инициативностью.

Конечно, хотелось признаться и сказать, как сильно он любит ее, но он не мог себе позволить быть влюбленным и нищим — нужно подождать. Они шли близко друг к другу, и он представлял, как очень скоро они будут ходить, взявшись за руки. Он делал аккуратные комплименты, пытаясь найти некий баланс между ее человеческими качествами и красотой, и всегда хвалил ее одежду. Время от времени он смотрел ей в глаза так,

чтобы она могла прочесть всю его бесконечную преданность ей, а потом замолкал. В минуты их совместного молчания, даже когда улицы все еще что-то выкрикивали друг другу, он изо всех сил пытался найти темы для обсуждения, хотя ему нравилось просто молчать рядом с ней. В очередном магазине Сара сказала, что ей понравилась его компания и она готова повторить эту прогулку, ведь она так ничего и не нашла. Эти слова неопишимо обрадовали его. Находясь рядом с ней, он жил уже в завтрашнем дне, поэтому пошел провожать ее до дома. Они ехали в метро рядом в молчании, и не было у него предлога посмотреть на нее. В отражении вагона напротив он видел королеву с гордо поднятой головой, которой ничего не нужно и которая смотрела на мир гордым орлиным взором, несмотря на то, что опустилась со спутником своим ниже уровня крота. Как жаль, что ни она, ни остальные не могут это разглядеть.

Так они подъехали к ее дому, и он подумал, что должен преподнести ей подарок, такой, которого у нее еще нет. Цветы дарили ей все, бриллианты тускнели на фоне глаз ее, а золото обесценивалось при взгляде на кожу ее — к ней нужен особый подход, идущий из сердца. На двери он заметил отверстие для писем: решено, он напишет ей хокку. Обняв ее самым неуклюжим образом, будто целуя чужую бабушку, он направился домой.

Там он долго думал, что написать, попутно решив подарить цветы. Осознав, что цветы никак не влезут в дверной проем, он написал о них. Получилось следующее:

Подарил я цветы тебе,
Не завянут они никогда,
Лишь чернила поблекнут слегка.

Написав японское стихотворение, он отправился из дома к ящику для писем, куда кинул послание. Уже рассветало, и он на радостях пошел спать. Проснулся он днем: ужасная тревога застила его сознание — он опаздывал на свидание с возлюбленной, которая уже полчаса ждала его. Он быстро оделся и через короткое время уже стоял у ее двери. Сэм постучал, но никто не открыл ему. Злость на самого себя лилась рекой. Он еще сильнее зауважал эту таинственную Снежную королеву, которая ушла из дома, преподав ему урок: я не жду тебя. Он развернулся уходить в ту минуту, когда Сара открыла дверь: она стояла в пижаме. Недоумение отчетливо читалось на ее прекрасном лице без косметики. Он считал, что неопишемая удача улыбнулась ему, и сказал, что будет ожидать ее в гостиной. Сара стала убеждать

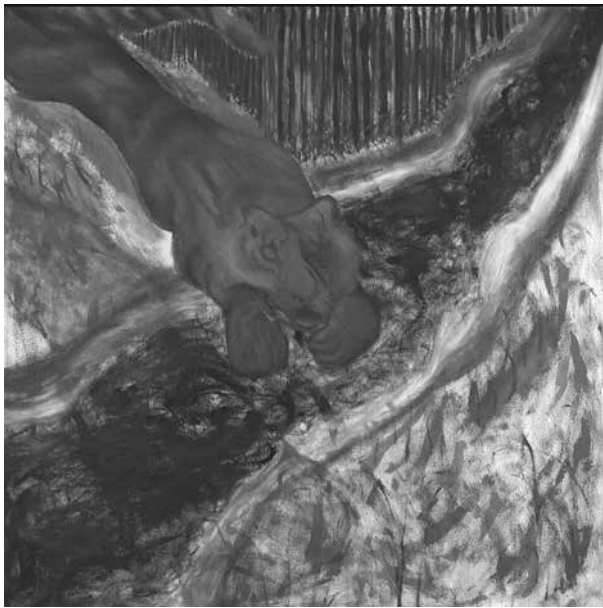
его, что ничего вчера не говорила и извиняется, если забыла о назначенной встрече. Он вернулся домой.

Там его успокаивали мысли об ответе из Букингемского дворца: написали, что его предложение будет рассматриваться на особом совете. Нужно было подождать. Дома он ходил взад и вперед, представляя образ любимой и приговаривая: моя, моя, только моя. Засыпать одному было особенно тяжело, когда вот-вот она будет с ним. Представляя, что она выйдет из душа, он взбивал для нее подушку и оставлял место для сна, но просыпался посередине кровати.

* * *

На очередном приеме гипноза у мистера Френда Генри отправился вновь на остров, где сидел у самого себя на плечах и слушал то, чего никак не мог вспомнить: особенно сильно его терзала мысль про молодого немца, так полюбившегося ему. Там Генри Айсберг примерно сто лет назад продолжал выживать с Августом благодаря дарам моря: водорослям и рыбе, которую иногда выкидывала волна. Жаловаться было не на что: земля была теплой от лавы под ней, воду можно было растопить, а собеседник понимал английский. Однако пришло время с ним прощаться: у немца поднялась температура, вскопанная могила ждала его. В разговоре он поведал, что жил вместе с мамой в Индии, иногда они ездили домой, в Германию, но мать предпочитала теплый климат удобствам. Краски той страны поражали юное воображение. Но однажды краски ожили. Они с мамой любили гулять по лесу и слушать диалог птиц, однако рык голодного тигра слышали слишком поздно. Полосатый зверь, скрывающийся в тени деревьев, выскочил и прыгнул на мать. Он испугался и побежал, так и не поняв, что остался сиротой. После его отправили к друзьям семьи, где он, пересмотрев слишком много агитационных постеров, отправился воевать, планируя в будущем стать художником.

Узнав имя покойной матери и ее последние мгновения, он узнал и своего сына. У него был сын, о котором он мечтал! Генри и тот, кто на нем сидел, изучали свое творение. Август Айсберг узнал отца, рассмотрев его уже на острове: рассказы матери и фото его отца — молодого капитана Генри Айсберга вонзились в его голову сильнее клыков. Неуклюже извиняясь, Генри сказал, что теперь отдаст жизнь за своего сына и сумеет вернуть его на материк. Он изучал небо, направление ветра и течение воды по плавно двигающимся

ся айсбергам: они плыли к торговым путям. Смастерив плот из обломков потопленных кораблей, прибитых волнами к острову, они начали грести, приближаясь к глыбам льда. Тот айсберг, на который удалось взобраться, был сер и плыл не спеша навстречу торговым путям. Было очень холодно: у обоих была рваная одежда, и тепло покидало их, но это был единственный шанс спасти родную кровь, ждать было невозможно. Плыли они так несколько дней, запасы водорослей таяли на глазах, руки не слушались. Холод пролез под ногти и завоевал вскоре все тело, которое, казалось, должно было рассыпаться на льдинки. Наутро капитан Айсберг увидел вдали корабль — возможно, это был мираж или айсберг в виде паруса, но отец все равно начал давать сигналы о спасении души его сына с помощью солнечных зайчиков из льдинок, пока не дождался ответа. Август был без сознания: он лежал на льдине, его губы превратились в стекло. Много смертей видел Генри, много товарищей похоронил: он всегда желал им поскорее умереть, остановить муки, а смерть констатировал как статистику, но только не сейчас. Сейчас он молил о прекращении страданий сына, так как хотел спасти его, свое продолжение. Искренне верил, что помощь скоро придет. Отец рассказывал про золото, которое лежало на дне, отдал все свои теплые вещи, сам превратившись в часть ледяного корабля.

Сеанс закончен. Комната тяжела от печали

Далее они проверили имя такого человека, как Август Айсберг, но информация отсутствовала: нужно было направить какой-то особый запрос в

Германию. Из его рассказа нельзя было понять, было ли это на самом деле, так как гипноз окончился смертью капитана, возможным спасением сына, который был укутан в одежду отца, в кармане лежали координаты. В случае, если сын все-таки выжил и вернулся за золотом, они могут прекращать поиски слитков.

Теперь доктор Джастин Френд решил поговорить о более важном, поэтому попросил вернуться к разговору Мартина.

Френд бережно положил стопку денег на стол и сказал, что они принадлежат Мартину.

— Откуда такие суммы, за что вы даете их мне, за какие-то копии?

— Нет, я отдаю деньги только за оригиналы. Помимо психологии я занимаюсь поиском пропавших картин и теперь делюсь ими с вами. Все обращают внимание на известные имена художников, но не на точную экспертизу.

— Я здесь совершенно ни при чем! — воскликнул Мартин.

— Видите ли, я брал работы великих художников, на которые вы делали копии, и показывал их галеристам. Когда я говорил, что это подделка, они соглашались; когда утверждал, что это оригинал, они соглашались — так я потерял всякую веру в экспертизу.

— Вы их продавали?

— Потеряв веру в одно, я поверил в вас и ваш талант, который так долго томился без надлежащих целей. Я не только продавал их, но теперь они даже висят в музеях — исключительно благодаря вам, поэтому и делюсь. Вы одинок, выставленные полотна — они почти до единого не существуют, никто не заинтересован в проверках, это может только навредить бизнесу, вы есть часть этого.

— Может, я и сумасшедший, но обманывать никого не собираюсь, — сказал Мартин, вставая, и пошел к двери.

Доктор Френд вынес следующий диагноз: вы не сумасшедший, вы несчастный, а копии, которые долгое время стоят в музеях, становятся оригиналами.

На этом разговор закончился, и Мартин пошел домой, в то время пока Генри сидел на его плечах и уговаривал его вернуться. Уговоры были безрезультатны. Зайдя в дом, он ощутил запах сырости — с потолка текла вода. Поднявшись наверх, он увидел Венди и Сару, стоявших в сапогах и убирающих воду, которая текла из сломанной стиральной машины. От увиденного он ошалел, и этим воспользовалась его жена, как следует его обругав и опустив до уровня капель, стекавших с потолка на коврик. Тут что-то щелкнуло в его го-

лове: и хотя он все же извинился, без сожаления. Он вдруг представил, что картины, которые рисовал, сейчас стоят в музее страны и с них сдувают пылинки. Он ощутил эту власть, которая идет от безнаказанности и его собственного умения подделывать вещи так умело, что может убедить профессионалов. Вдруг он поднялся в собственных глазах и теперь не понимал, как эта женщина смеет ему что-либо говорить. Теперь его разжигало желание, летящее сквозь него, рассказать все: объяснить, с кем она имеет дело, и показать ей самой на ее тряпки, но он не мог. Это противоречие разъедало его. Он помог кое-как убраться и пообещал купить новую машинку, чтобы не дать этой железистой воде из-под крана испортить обрубки его жены, которые она называла белоснежными руками.

На следующий день он ходил по музеям и приходил там свои работы под чужими именами. От этого на его лице впервые за долгие годы засверкали глаза — наконец-то он достиг небывалых высот, о которых никому нельзя было знать. От осознания тайны про самого себя у него начали появляться мурашки. Теперь он просто сидел на скамейке и наслаждался собой. Он ждал, когда очередная группа туристов начнет фотографировать его работы, находясь в полнейшей иллюзии того, что соприкоснулись с историей, но лично с его. Он жаждал прокричать свое авторство, ведь они висят прямо перед ним. Никто не сможет восхититься его талантом, кроме сумасшедшего, который сразу же всем расскажет, хоть его и слушать не будут. Пройдя в очередной музей, он нашел свой холст и доктора Френдса.

— Люди всегда приходят на место преступления, не так ли? — спросил Френд.

— Вы о себе?

— Нет, я ждал именно вас. Каково вам смотреть на свое творение под чужим именем, каково забрать заслуженную славу у того, кто уже мертв? Вы всю жизнь занимаетесь преступлением над самим собой, я лишь предлагаю на этом заработать.

Мартин так и не ответил даже себе, зачем он пришел смотреть на себя самого, но это сводило его с ума, оттого что раньше издевались над ним, а теперь он может издеваться над остальными — они еще и заплатят за это. Пусть слава не входит в его работу, а лишь личное тщеславие и скромная ухмылка, но мужчина должен зарабатывать, поэтому и он захотел. Мартин согласился создавать шедевры под чужими именами под следующим предлогом: пока он не выкупит назад свое родовое поместье, где будет жить его дочь.

Теперь, когда он смог оправдать самого себя, он готов был брать заслуженные деньги, которые позволят ему не только постирать стиральную машинку, но и отремонтировать весь дом и поставить новый замок на дверь.

Доктор Френд посвятил его в нюансы профессии, поэтому Мартин и даже Генри знали план действий. На следующий день рано утром он отправился на барахолку в поисках ценного исключительно для людей его ремесла. Он купил самые старые, занюханные картины, порой даже с дырами, проеденными жуками. Важна была не картина, а размер ее, который так долго хранился у очередной милой бабушки. Собрав старые картины, он приобрел рабочий фотоаппарат начала XX века — такая вещь была довольно редка, а поэтому дорога, но в итоге нашлось что-то подходящее, даже с набором пленки. Последнее, что приобрел мистер Айсберг, были платья из винтажных магазинов: его интересовали наряды каждого десятилетия вплоть до пятидесятых. Все необходимое выбирал Мартин, потом они вспоминали запах бездомных с Виктории, и включался Генри, который умел правильно торговаться и сбить цену даже ниже стоимости. Тут он был неподражаем: в момент понимал, какой подход нужен был к тому или иному продавцу. То он говорил уверенно и даже угрожал, то выжимал из себя самые дурно пахнувшие анекдоты, но лучше всего удался ему образ, который хромал, топтался на месте, сутулился, выворачивал дырявые карманы и тяжело вздыхал. Это позволяло вызвать жалость у продавцов, подобно бездомному котенку, и зависть со стороны любого короля подмостков.

Собрав весь этот мусор домой, за дело уже в полную силу принялся Генри. Он пошел в Национальную галерею, где работала та самая Бекки, которую он, еще до холодов и ранних рассветов, проводил до дома. После букета цветов и таких же ярких комплиментов по поводу ее улыбки, которая становилась все шире, она провела его в архив. Под звон поцелуев он сказал, что серьезно заболел как ею, так и коллекционированием марок с разнообразных выставок. Пока Генри занимался Бекки, Мартин сидел сверху и отыскивал взглядом необходимые папки, где хранились нужные штампы, и просил их засовывать в сумку между делом. Оставив после себя приятное впечатление, мистер Айсберг растаял в толпе прохожих.

Дома он снял полотна, которые годились для обоев, оставив самое нужное — деревянные подрамники, на которых отчетливо читалось время: важное доказательство подлинности. Затем он натянул холст и отправился рисовать до глубокой

ночи. Так продолжалось неделю. За это время он окончил несколько картин и теперь ждал, пока краски высохнут. Чтобы краски высыхали правильно, согласно законам времени, он использовал фен жены, а также ее конфорку. Такая «выпечка» давала картинам более убедительный пресс времени в виде трещин. На заднюю сторону холста он прикрепил марку с выставки и написал имя художника с датой. Кульминацией всего была уборка дома пылесосом, чье содержимое он опрокидывал на картины, а некоторые даже портил ножом или сапогом. Чтобы у экспертов все сомнения отпали, он принимался за древнюю фотокамеру. Он одевал свою дочь, в которой томила актриса, в наряды, которые зависели от предположительной даты утраты безвестной картины, и ставил ее позировать возле произведения. Она не задавала никаких вопросов: было видно, что она радовалась в эти моменты, когда отец фотографировал ее в разных париках на черно-белую пленку. Лицо своей дочери он ставил всегда немного в тень, заставляя ее то сидеть, то просто проходить мимо, так как картин было много, а она единственная. На одной из них она стояла в костюме мальчика, чью роль она играла живо. Эти фотографии тщательно обрабатывались, затем комкались и мялись, дабы показать хрупкую недолговечность бытия и неоспоримые доказательства. Фотографиям всегда охотно верят: все поверят в то, что фигуры женщин или мальчиков реальные люди, которые когда-то владели полотнами, особенно если они стоят на фоне тех самых картин. Когда весь обряд был совершен, он отдавал полотна доктору. Теперь он не только ничего не боялся — напротив, тайно желал, что когда-нибудь о его имени узнают, узнают о его таланте, о его хитрости, о том, как он стоит в музеях перед своими холстами и смеется над зрителем, который озирается по сторонам, чтобы быстро сфотографироваться на фоне его, и над тем, который делает замечания, и над тем, который рассказывает историю об обнаружении картины на одном из чердаков Лондона.

С одной стороны, он хотел славы, а с другой — иметь справку о раздвоении личности, на которую он спишет все проблемы — в такие минуты он никого не любил так сильно, как самого себя.

В частных беседах с доктором времени на лечение почти не хватало, он решил приостановить его, так как обе личности находились в гармонии друг с другом, опьяненные общей целью водить людей за нос под красивым предлогом вернуть родовое поместье. Вечная мерзлота нищеты и унижений начала стремительно таять, под ней прятались средства для их целей. Каждый раз он

приходил с работами новых художников, а доктор расплачивался уже несколькими сотнями стиральных машин, уместившихся на изображении королевы Елизаветы. Однако непреодолимой жаждой золота не могла помешать даже та толща воды, под которой таился этот клад, — все свободное от разговоров про искусство время они посвящали поиску некоего Августа Айсберга и попыткам правильного построения гипноза. Все было безрезультатно, пока Генри не решил уединиться на острове, где когда-то спасся. Он решил лечь на то место, куда впервые упал, там он и заснул, пока Мартин создавал чужие музейные экспонаты. Приснились ему руки, которые кладут его бумажку с координатами на холст и замазывают черной краской. На этой картине была изображена темная ваза с белыми цветами, напоминавшими одуванчики, в которой были спрятаны координаты. Генри счел это важной информацией и отдал ее Мартину, но тот никак не мог прокомментировать ее. А вот доктор Френд, услышав это, изрядно ошалел: он сел на стул, схватившись за сердце, и стал медленно сползать с него. Ведь он видел эту картину на одном вечере. Этот вечер был тайным аукционом на черном рынке, и куплена она была за гроши одним из его пациентов. Он рассказывал, что даже провел вместе с ним вялый торг, но уступил. Впоследствии этот пациент рассказывал, что просто влюбился в эту картину: постоянно ходит вокруг нее и словно лечится от своих недугов, как на сеансах у доктора.

Френд сказал, что свяжется с ним, организует встречу или дождется, когда этот беглый миллиардер из России сам придет к нему со своими вновь возникшими проблемами. Тогда во время беседы он попробует уговорить его отдать картину или хотя бы осмотреть ее. Имя его было Дов Гершон. Он был самой обсуждаемой личностью в том месте, куда приходил, а обычно шли слухи, что его видели сразу в пяти городах Европы. Слухи тянулись за ним шлейфом, чьи концы порхали, когда он шел. А ходил он очень мало — буквально из машины в офис или в ресторан, но сама ходьба была стремительной, созданной буквально из тысяч мельчайших шагов. Руки он тоже вечно не знал куда деть: если стоял, то их потирал друг от друга, а потом резко прятал, будто на них была кровь. Во время ходьбы он всегда объяснял своему гостю или адвокату очередную причину своей невиновности и абсурдности такого количества шума вокруг него, без которого, однако, он уже давно не мог существовать. Самые любопытные слухи, переходившие из уст в уста, были о его манере говорить. Кто-то считал его речи лживыми и ковар-

ными, а кто-то — открытыми и философскими, но все были едины в одном: разговор его и вздохи, исходившие из груди, всем казались медом — они дурманили любое ухо.

Он был, несомненно, умен и образован, прочитав сотни трудов, что привело его к успехам в научной деятельности, хотя там ему вечно не хватало какого-то задора. Того, когда тело начинает трясти от воодушевления, когда голова начинает трепетать от собственной важности. Ему не хватало приключений, поэтому приходилось их создавать самому под предлогом благополучия семейного очага: женщины его вдохновляли. Бизнес, как он выражался, соответствовал его характеру. Он начал продавать ценные бумаги и связи, где его язык приобрел силу удава: он сжимал жертву, которая не ощущала плотного кольца вокруг себя и отдавала свои средства добровольно. Жертва предпочитала смотреть ему в глаза, которые имели некий гипнотический эффект, заставляя доверять им. Порой люди передавали после разговора с мистером Гершоном, что не помнят предмет общения, — казалось, они перелетали в иное пространство, где царил благополучие, таким доверием он отравлял своих жертв. В конце концов он дошел до верхних ступеней карьерной лестницы, попутно находя компромиссы с чужими интересами, где его окатило властью. Интересен один случай. Одно время дела его шли не так стремительно, как хотелось, та лестница была слишком извилистой, появилось много конкурентов, и однажды на него было совершено покушение. Машина взорвалась, вместе с ней и его водитель,

а пассажир остался жив. Этот эпизод восстановился из пепла небольшого Члотека передавали всю следующую неделю по телевизору, всем было важно его самочувствие. Забинтованное лицо, на котором проявлялись красные пятна, не заставило его сидеть на койке — напротив, он использовал свое положение, чтобы пройтись вдоль улиц высоких кабинетов, где мог просить больше обычного. Человеческое сострадание — сильное оружие. Так мистер Гершон благодаря своему несчастью и героическому складу ума побежал вверх по ступенькам. Только потом злые языки, обладателей которых он толкал вниз с этой лестницы, заявляли, что специально сам себя взорвал, чтобы был и информационный повод, и жалость, так как чловека с окровавленными бинтами выгнать сложнее обычного. Приведя бомбу в действие и тем самым принеся в жертву собственного водителя, он привел себя к совершенно другим вершинам. Однако слухам верить нельзя, можно верить только тому, что видишь: по телевизору показывали покушение на бизнесмена.

— Я творю свой мир и открываю его для себя. Бизнес — это более динамичная вещь, чем наука, — так он объяснял свою потребность к безграничным возможностям, где можно было сочетать деньги и власть. Обычно люди с большими деньгами предпочитают тишину, но ему нужно было поддерживать свой статус, который его восхищал и являлся красивой правдой: крестный отец Кремля. Влияние его зашкаливало: он мог сидеть со своими партнерами в сауне, где к нему приходила идея нового закона, освобождавшая его от ответственности перед остальными под предлогом очередной порции свободы, которая в действительности давалась и остальным, хоть и в более формальном виде.

Он страстно любил театр, ради балета готов был пропустить порой жизненно важные встречи. Из этих постановок он черпал вдохновение для создания собственной иллюзии, чтобы получать наслаждение. Он любил собственный пиар выставлять напоказ, медиаимидж, сверкающий с его собственными телеэкранов, выросли из него мифологического бога с кривым носом и возможностями, которые расширяются вместе со вселенной. Эта драматическая обработка фактов собственной биографии привела его к тому, что он сам начал подражать ей, а именно вести себя драматично и победоносно.

Вседозволенность сводила его с ума — именно этого ему всю жизнь хотелось подсознательно, только здесь он почувствовал себя дома, в оазисе, который он создал своими руками.

— Я занимаюсь тем, что мне нравится, а мне нравится создавать. У меня нет хобби, то, чем я занимаюсь, поглощает все мое время. Я все делаю со страстью.

В этом мире все исполняли его волю: одни люди испарялись, другие воспаряли. Его сознание было готово к развращению: от столь высокой готовности к миру, о котором он так долго фантазировал, и посыпались слухи о его связях с террористами и маленькими девочками. Помимо столь ужасных рассказов, о нем говорили, что он был послан самим Богом, чтобы спасти и сохранить, или олицетворял само понятие совести. Некоторые слухи зашли так далеко, что ему пришлось уехать под видом шулера высшего градуса и узника совести из страны, которая принадлежала ему. Произошло это по обстоятельствам, которые он взрастил сам. И тогда он окунулся с головой в политику — в ту пучину, где сам себя обманывал, ведь он умел считать, но не прогнозировать. Несмотря на его выработанную теорию принятия решений, которой он пользовался из-за потребности аргументировать свои действия, он был достаточно открытым человеком, а значит, и наивным. Из-за столь яркой иллюзии, когда он купался в наслаждениях, у него отпала тяга к правильной оценке действительности. Поэтому произошла его политическая кастрация, где ему пришлось поменять свои так полюбившиеся ему разрушающие сознание привычки на относительно спокойную жизнь в Лондоне из-за политического преследования. Все эти рассказы про него его забавляли: ему нравилось быть в головах у миллионов людей, которые его демонизировали и придавали ему все большее величие. Настроение поднималось всякий раз, когда он видел свое имя в газетах: оказывается, он являлся врагом Деда Мороза, забирая подарки через канализацию. Свое имя он тоже сильно лелеял и хотел помимо ассоциации с властью и деньгами быть полезным в искусстве. Денег он никогда не давал, зато мог помочь своими связями и прочими советами. В жизни же без круговорота денег он был зажат в свой костюм, который всегда смотрелся на нем меньше по размеру, так же обстояло дело и с внутренним миром, однако с ним сочеталась философская самоирония. Самоиронию он использовал не только для шуток, так как был по-детски влюблен в себя. С тех пор как он смог заработать миллиарды неоправданным доверием, которое сложилось в обществе, его лицо никак не могло сползти с телеэкранов, тех, которые при нем кричали о его скромном героизме. Он стал по-настоящему культовой фигурой: его имя сжигали на площадях и винули его даже за

плохую погоду. Он с нетерпением ждал приезда далеких друзей на свое новое место жительства, где основным вопросом было желание узнать:

— Там меня все еще ненавидят?

И получив ответ, закручивался на стуле в неистовый хохот, поднимая маленькие кулачки вверх и крича: они все еще помнят!

С вынужденным переездом он искал альтернативы, не знал, куда деть тот запал, выходящий за границы России, и как вернуть былой образ жизни, бьющий по нему изо всех сил. Он говорил, что ему нравится жизнь, которая у него есть, ему нравится создавать, будь то хаос или гармония. С каждым днем желание вернуться понемногу поглощало его мысли — он хотел вернуться, чтобы творить. Он был оптимистом, поэтому использовал радиус информационного поля, состоящего во многом из придуманных фактов, порой и им самим, чтобы напомнить о себе. Но все попытки оказались тщетными, не было необходимой подпитки. Точки соприкосновения с Россией он позже пытался найти в религии, он заболел ею. Нашел православный храм, куда ходил нечасто, за несколько дней до праздников, так как жизнь у него текла быстрее, чем у обычных людей. Он ходил по церкви от иконы к иконе, заговаривая сам себе зубы, до того момента, пока не остановится возле одной из них, рядом с которой видел несколько церковнослужителей, чтобы они могли передать всю скорбь, хранившуюся в его тихих всхлипах.

За обеденным столом, вокруг которого собиралась его семья, он был совершенно другим человеком. Это был кот, который катался по полу, растопыривая свои лапки, и просил, чтобы чесали его волосатое пузико. Подобно коту, он пребывал в состоянии блаженства большую часть времени. Он подходил к каждому члену семьи и ласкался, мурлыкал и засыпал на ручках, был невероятно комичен в своей неуклюжести, вызывая смех. Когда его не замечали, начинал жалобно мяукать и рассказывать, какие кошмары снятся ему по ночам — единственное состояние, когда он становился самим собой. Сны эти были о том, что закончит он жизнь свою подобно свече: погаснет, и в оставшиеся мгновения, когда виден лишь черный дымок, будет обитать в Гайд-парке, занимаясь вялым коллекционированием пустых бутылок из-под шампанского, которое сам недавно пил. Эти страдания продолжались до тех пор, пока ему не посоветовали обратиться в доктору, практикующему особенный способ решения проблем, попутно принимая на себя роль подопытного кролика. Так, в Лондоне он нашел себе альтернативу того, что было, что давало заряд энергии

и от его глаза его приобретали лепельный цвет. За его счетаи следили все спецслужбы, поэтому снимать деньги для покупки списанного оружия и дальнейшей перепродажи его на Дальний Восток было опасно — пришлось вновь постучаться в мир искусства, с черного хода. С этим родом деятельности, помогавшей щекотать струны души, его познакомил доктор Джастин Френд, к которому мистер Гершон пришел в глубочайшей депрессии. Помимо известных публике аукционных домов, где он скупал картины, он отыскивал более рискованные, но дешевые варианты по приобретению таких же давно списанных шедевров. Это были собрания украденных, а также случайно исчезнувших картин — черный рынок произведений искусства, куда нельзя было попасть самостоятельно — тебя могли только пригласить.

Пригласил его туда доктор, который осознавал его тягу к риску, так как сам ее разделял. Помимо того, что черный рынок искусства являлся нелегальным, там по подвалам плавало огромное количество подделок, к которым приписывались величайшие имена. Так, за одну и ту же небольшую цену можно было взять к себе в дом и забытую работу гения, и тщательную фантазию сумасшедшего. Плохие подделки пробуждали интерес у малообразованных лиц: из них сочилась небрежность к деталям, которые мистер Гершон сразу же начал примечать, пользуясь своими познаниями в истории искусств. Позволить себе Гершон все не мог, но частенько высматривал недооцененные экспонаты, приносившие ему уважение в этих скромных кругах помимо достойного дохода. Приобретение живописи также снимало некоторые острые вопросы по поводу ведения его бизнеса — картины являлись, по сути, ценными бумагами, которые вызывают интерес не меньший, нежели его банковский счет. Вместо того чтобы переправлять миллионы на какой-то счет, теперь он мог передавать картину такой же стоимости в дар нужному человеку — и безопасно, и удобно, можно лишний раз продемонстрировать свою заботу и вкус.

С таким человеком хотелось иметь дело. Было очевидно, что если даже он не отдаст свою столь полюбившуюся картину для акта вандализма в виде вскрытия ее ради проверки наличия координат, то хоть покажет ему свои способности. Во-первых, его экономический авантюризм наверняка подскажет ему подсчитать очевидную выгоду: если подделки мистера Айсберга висят в музеях, то люди, торгующие оружием, не смогут отличить его талант создавать подобие шедевров даже сквозь прицел снайперской винтовки, что по-

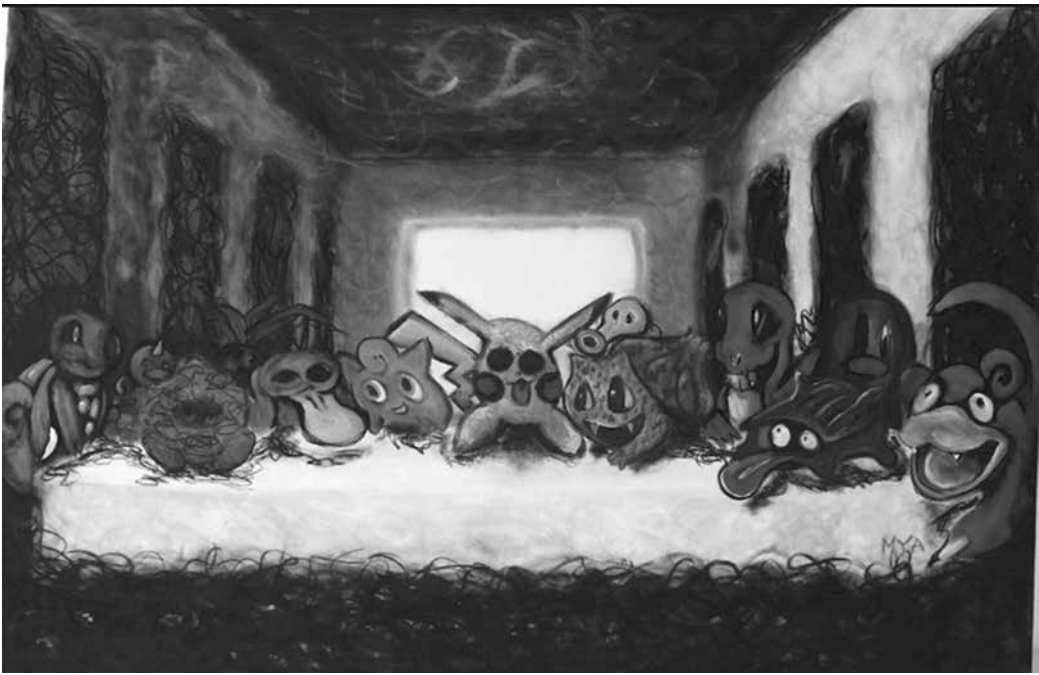
может сохранить хорошую сумму. Остается полагаться на до конца неизлечимое самочувствие этого русского, чья душа славится щедростью, который вскоре навестит доктора Френда и предоставит на некоторое время нарисованные цветы в виде глаз. Нужно уметь ждать.

Генри и Мартин ждали: время они проводили на барахолке, притворяясь, что сильно болеют, дабы торг закончился побыстрее; в музейных архивах они говорили Бекки, что уйдут от жены к ней, чтобы побыстрее заполучить нужные марки; дома говорили, что пылесосят для поддержания порядка и чистоты, хотя чистота выполненной работы заботила их куда сильнее. На заработанные деньги они купили стиральную машинку для семьи и чистые кисти для себя, оставив протекающий чердак для мытья бездомных. Они одевали бездомных в наряды джентльменов и ставили возле своих подделок из-за их молчания и правдоподобности истории картины. Теперь, стремясь к одной и той же цели, оба начали походить друг на друга, чувства их смешивались.

В свободное от ожиданий время мистер Айсберг записался на уроки вождения. Никогда он до этого не воображал себя за рулем, не имел права думать о себе так высоко. Достаточно высоко было и на втором этаже автобуса. Чувство обладания атрофировалось у него с годами, но настойчивый Генри уговорил его это сделать. Сначала Мартин очень боялся, будучи не в состоянии запомнить положение тормоза. Процесс раздражения учителя по вождению затормозил Генри, который в былые времена разъезжал под каретами герцогинь на своем единственном в городе «Бугатти», пока якорь его корабля отдавался на изучение невзрачной рыбе в Темзе. Он взял инициативу в свои руки, и право получить свободу со штрафами было выдано.

* * *

Ответ из Букингемского дворца так и не пришел — наверное, королеву окружает сотня предателей, которые не хотят дарить Ее Величеству новый бриллиант на корону в виде столь занимательной лотереи, в которой участвовали люди и их вещи. Это означало, что Сэма Лавлока можно было обвинить в бесхребетности, ведь отсутствие ответа так сильно отдаляло его от романтического плана. Он не писал Саре все это время, прикрываясь большим сюрпризом, который готовил так долго для нее. Теперь это молчание могло еще больше отдалять его от поцелуя с ней. Тем не менее он все еще не терял надежды ни на ответ королевы,

ни на взаимное чувство от мисс Айсберг. Его хокку о цветах она оценила по достоинству, сказав, что ему не хватает рамки. Это неожиданная для него реакция, так что он пытался сделать что-то еще, попутно разыскивая рамку для стихотворения. Он так давно хотел рассказать ей о своих чувствах, что устремлял их в один вдох, когда сидел рядом с ней в гостях.

По традиции мистер Айсберг звонил Сэму, тот сразу приходил с восторгом щенка при встрече с хозяином, но в ответ получал лишь ледяные взгляды. В начале своих визитов к Саре она было более благосклонна к нему или делала вид. Раньше она открывала ему дверь и восклицала:

— Привет, дорогой! Его еще никто не называл так, это особенно приятно, когда звучит из уст нужного человека.

Слово «дорогой» взволновало его сильнее, чем руки распятого человека. Больше она так не говорила. А он с тех пор приходил туда снова и снова, чтобы услышать эти дорогие уху слова.

В нем появились противоречия с самим собой, когда приходится действовать, переступая через собственные нравственные законы: он был готов унижаться, стал одним из тех, кого всегда презирал, — злая шутка! Сэм все больше напоминал некую аморфную субстанцию, подобно наркоману, несущемуся за новой дозой на другой конец города. Так же делал и он: отправлялся в путь за ее очами, которые смотрели на него одновременно с интересом и безразличием. Она не просила

остаться и не прогоняла — просто молча изучала. Возможно, загвоздка крылась в небольшом возрастном разрыве: она только окончила университет, а он — школу. Понятия о мире сложились у них разные, так что надо было либо ей поглупеть, либо ему поумнеть. Иногда он думал подарить ей цветы, но это было слишком просто — он должен запомниться, завоевав ее сердце самым изощренным способом. Пока нового способа придумано не было, он приносил бутылку красного вина, которое застывало на его губах плотной коркой. Неизвестно, как подойти к столь хрупкой льдине — обнимешь, чтоб растопить этот лед, и сам замерзнешь, а расколоть топором и вовсе не получится, ведь трещина поползет выше, осыпав льдинками его темечко в бескрайнем эхе тишины. Конечно, можно было бы просто сидеть в ожидании благоприятных обстоятельств, но айсберги тают неравномерно, так что в определенный момент переворачиваются, опрокидывая его обитателей в объятия бездонной волны. Взгляд истинной королевы был тяжел, пронизывал насквозь, так что пересекаться взглядами он позволял себе лишь на мгновение: как будто случайно его глаза по пути в окно обнаружили и ее. Он заметил, что, когда он приходит, она встречает его в одних и тех же лохмотьях, под которыми угадывается ее натуральная красота. Что бы это могло значить? Либо она прилагала усилия, чтобы выглядеть отталкивающе, либо он должен быть готов принимать ее даже в таком виде. Ради него она наря-

жаться не собиралась — это было очевидно. Все соби́ралось в тесной гостиной: Сара была рядом и в то же время недостижима — там можно было вести счет исключительно в световых годах. Сидя в гостях, он понимал, что не может ей ничего нового о себе поведать, чтобы стать перспективным даже в собственных глазах, не говоря уже о том, чтобы стоять с ней на одной ступеньке или найти какую-то общую тему для разговора. Если бы он не знал о ее божественном происхождении, то, конечно, так и продолжал бы ее не замечать, проходя мимо. А с ней получалось только молчать: он молчал с ней, пребывая в блаженстве, одновременно пытаясь найти нужные слова, которых не было. Вариантов была уйма, но ни один из них не мог быть сказан с чистой совестью: он дал себе слово не кормить ее надеждами и вымыслами до тех пор, пока хоть один из них не осуществится. Он не мог позволить это ни себе, ни ей. Хотел он поведать о своих успехах, но их не было — только вымысел; хотел было осмелиться пригласить ее в ресторан, но не было денег даже на себя; хотел гулять с ней, но слишком пошло это бы выглядело — ему нужна была сказка. Хотел позвонить ей, но как он мог осмелиться беспокоить ее? Но тут он сидел и молча пил: так он терял страх и начинал вести странные разговоры о ней с кем-нибудь из гостей в виде метафор и аллегорий. Бог существует, его творение где-то рядом; мир столь уродлив, так как все время было потрачено лишь на одну; рыбак достанет сеть, наполненную тиной, так и не постаравшись разглядеть спрятанную жемчужину; ножницы строги в своих намерениях — отрезают раз и навсегда. Был и прочий бред, которого он нахватался после общения с Роном, повторяющим фразы пьяных ловеласов из паба. Он рассказывал почти каждому незнакомцу, который ему понравился, о своей безответной на данный момент любви к ней с воодушевлением в предвкушении сладкого будущего, так как они не смогут его запомнить и рассказать. А ведь хотелось действительно кричать, поэтому Рону не стоило иметь в голове такое откровение. Крик Рона непременно услышит Венди.

Дальше Сэм принимался хохмить: это были довольно банальные, но вызывающие улыбку шутки. Нормальная реакция означает смех, но если Венди в тот день была неподалеку, а с коротким рабочим днем это означало каждый день, то она реагировала по-своему. Любая шутка, озвученная при ней, могла вызвать смех, так как необходим интеллект и чувство юмора, которое у Венди умерло при трагических обстоятельствах. Со вздыбленными, как кони, бровями и ртом, изображающим

колечко дыма, она начинала жаловаться на пошлость других, будучи сама ее воплощением.

После прилюдного молчания и косых взглядов никто не был против того, чтобы он остался ночевать на диване. Там, в одиночестве, перед сном он утешал себя звуками тишины, в которых хотел услышать мягкие и осторожные шаги сверху и голос, зазывающий его в свою комнату, которая находилось прямо над ним. И так каждый раз, до потери надежды. Он видел лишь одно: безответное выражение глаз ее, но всякий раз вспоминал те глаза, в которых читалась любовь. Важно, что он знал о существовании таких чувств в ней. О надежды льдина должна растаять и превратиться в кристально чистую воду. Когда он думал о ней, с головой происходили колоссальные тектонические сдвиги: она не кружится, но ужасно тошнит, и хочется пить. Все части тела переставали отдавать импульсы о своем существовании, становясь воздушными, так что могли подняться к потолку, в то время как сердце обрастало кровяными тельцами, не в силах перегонять такой плотный поток. По-настоящему Сэма немного пугало то, что она настолько красива, что не вызывает никаких сексуальных желаний. Как иконе, ей хотелось отдать поцелуй с зажатыми в него сокровенными желаниями об упокоении близких и мольбами о прощении. Утром он просыпался и уходил, оставляя записки у нее под дверью, которые имели лишь впечатление важных, но без смысла или выражения какого-то намерения. Закидывать под дом записки было самым волнующим занятием. Так как он не хотел прибегать к стандартным сообщениям на телефон, он приходил ночью, вглядываясь в темноту окон, быстро закидывал под дверь записки с выражением своих чувств и убегал. Однажды он сделал это так неуклюже, что соседи, увидев это, приняли его за вора и позвонили в полицию. Но Сэма поймать не удалось.

Он стоял на автобусной остановке, автобус ходил через каждые двадцать минут. Он стоял в ожидании, думал: вот еще минутка — и придет она. Подбежит, как будто что-то сказать хочет, а он просто посадит ее рядом, и они уедут к нему. До автобуса оставалось несколько минут, и он начинал пристально смотреть за угол, откуда виднелось ее окно: шторы закрыты, а форточка распахнута. Приходил автобус, пока двери еще были открыты, пребывал в надежде, что она все-таки успеет забежать и броситься к нему в объятия бездонной волны. Однако уезжал он всегда один.

В свободное от работы время он начинал расспросы у друзей, знакомых с семейством Айсбергов, а также у ее сестер. Его только раз-

задорил их ответ, когда они сказали, что он ей совершенно неинтересен, так как искра не пробежала. В тот момент он подумал о пистолете. Хоть на мгновение, но все же было забавно говорить об отсутствии искры в присутствии инструмента, который только их и создает. Однако многие могут заблуждаться, даже Сара, ведь у него внутри полыхало пламя, которое коптило внутренности. Сестры успокаивали его, прибавляя, что шанс всегда есть. В уговорах он не нуждался — наоборот, был доволен, что не ошибся в своих намерениях завоевать ее сердце неким поступком, нежели своим лицом. Советы друзей вызывали в нем все большее желание разгадать тайну, так как в один голос твердили: она и ты? Ты, видно, нездоров: она никогда не будет с тобой. Просто посмотри на себя, ты не можешь на что-либо рассчитывать. Когда несколько человек процитировали это, ему стало важно знать причину такого вывода, ведь он встречался глазами с самим собой ежедневно и был более чем доволен отражением: лицо было в порядке, что с ним не так, он ответить не мог и сказал себе:

— Никак нельзя было выиграть тебя, что еще нужно для победы?

Все, что думал Сэм, каким-то образом, частично используя телепатию, частично свой рот, Венди низвергала горы правды в глаза своей дочери. Она начинала разговор об очередной выходке Лавлока на работе в виде его сочиненного бреда, о его странностях в поведении и некой наивной смазливости — это все были положительные качества — и заканчивала его перспективой превращения в ничто. Такое будущее принесет только разочарование в виде грошей, на которые придется жить, и страданий, которые не дадут уйти от него. Таким семейным опытом она обладала, попутно вспоминая своего мужа. Имя своего мужа она использовала всякий раз, когда ей не нравилось, как Сэм закладывает коробки с сигаретами — процесс был доведен до автоматизма, но надо было использовать эту каплю власти эффективно. Нотки беспочвенных претензий в голосе звучали все интенсивнее.

Так подходило Рождество. Он хотел сделать нечто, где слова не так важны, как его поступки. Прогуливаясь по закрывающимся магазинам, он увидел продававшиеся по акции елки: они были все пышные, пахли лесом, иглы были мягкие из-за воды внутри них, отчего казались пухлыми, так что возникало желание немедленно обнять их. Взяв одну, принес в ее дом. В дополнение к елке он сочинил хокку лично для нее. Подоплека была религиозная, он желал написать что-то крайне личное,

то, что он чувствовал, где бы скрывался особый смысл. В Древнем Риме, когда христианство стало смертельно непопулярно, о собственном храме думать не приходилось. Даже среди самых преданных любовь к распятому человеку была под строжайшим запретом, так что их поклонникам приходилось отдаваться молитвам в катакомбах, можно сказать, в их первом храме. Чтобы помолиться вместе и не потеряться, на стенах были выбиты символы Христа в виде рыбы, так же как и в целях повышенной секретности. Великие труды пытаются выставить эту рыбу как наживку для контроля. Так появились эти строчки:

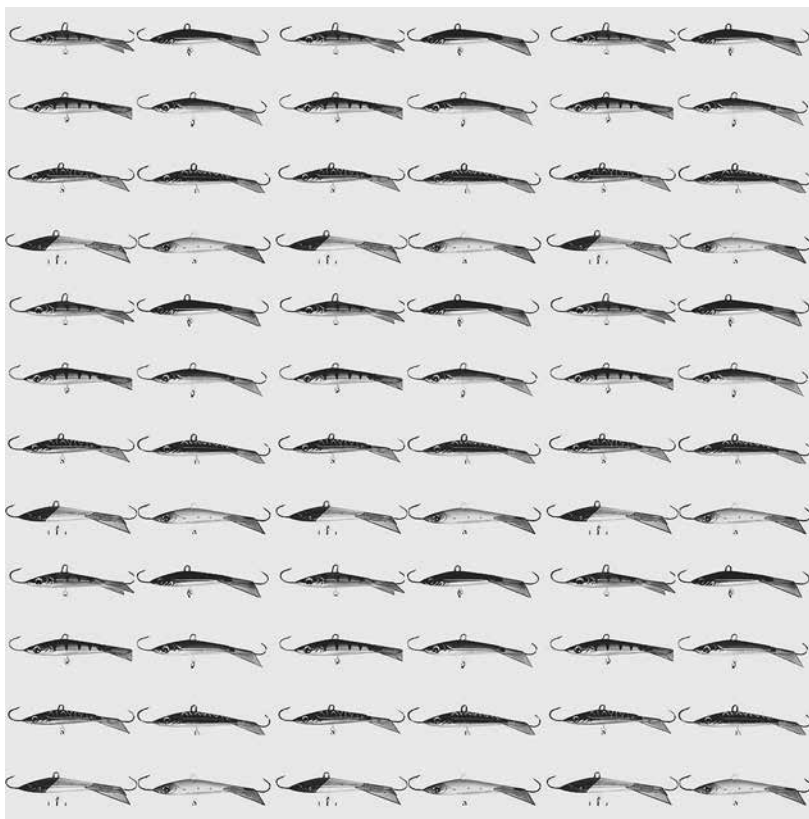
Малек по пруду плывет.
Рыба проглотит его.
В мутной воде не разглядеть приманку.

Он надеялся на то, что она знает историю возникновения символа рыбы, поэтому эти мысли вписывались как подарок на Рождество, побуждая ее осмыслить и задуматься над таким творчеством, чтобы она смогла ответить себе на вопрос:

— Я опытный рыбак или в самом деле святая?

Теперь он показал своим поступком, на что способен: помимо заботы в виде елки он поделился своими чувствами, пускай и очень странно. Теперь он ждал ее реакции и возможности еще раз прийти и рассматривать свою Сару, наполненную благодарностью к нему. Его чувства, предвещающие как сам праздник, так и конец его одиночества, были подобны свече, которую зажгли в груди. Голова давно превратилось в вату, для выработки мыслей она больше была непригодна, так как на мир он смотрел со дна мутного пруда, где не хватает воздуха, а огонь внутри стремительно сжигал весь кислород, но он продолжает оставаться на дне, в этой сказочной мути. Ответной реакцией оказалось «спасибо». Разочарование подобно качелям: скатываешься вперед с ощущением, что вот-вот взлетишь, а потом собственные мысли тянут обратно. Расстраиваться не нужно, мы сами создатели своих чувств, а нужная рамка так и не была подобрана. После той покупки, когда елку нужно было тащить через весь город, он совсем позабыл про шарф, поэтому охрип, чему был несказанно рад. Во-первых, можно было думать о сольной карьере певца с уникальным тембром, а во-вторых, больной голос избавлял его от разговоров. Но и теперь Сара не торопилась делиться своими мыслями — так они поддерживали тишину.

Удивительно было и то, что она не пыталась использовать его, чтобы повысить свою самооценку.

Она не ставила ультиматумов, не вила из него веревки, ничего не просила — возможно, поэтому хотелось вновь навестить их, чтобы разобраться.

Так наступило Рождество. Сэм праздновал его с Айсбергами и их дальним родственником. Бушевало веселье, только гости не смотрели на часы и уходило домой не собирались. Она поблагодарила его за елку, которую вместе наряжали, но совершенно не поняла смысла тех строк. Всякий раз, когда он говорил с ней, речь выходила с запинками и превращалась в бесформенные звуки, но он попытался рассказать ту предысторию, после чего ее улыбка выразила разочарование. Этот день запомнился тем, что Сэм сидел на диване, обитом одеялом, как вдруг почувствовал теплое поглаживание по спине, будто масло на хлеб намазывали. Это была Сара: она лежала вдоль дивана и прикасалась своей рукой к нему. Обернувшись, он посмотрел на нее сверху вниз: появилось и желание, и шанс поцеловать ее. Если бы эти гости догадались уйти раньше, это непременно произошло. Возможно, ее поведение можно было объяснить следующим образом: вместо привычного стакана вина она позволила себе два, а может, действительно хотела что-то — он не потрудился спросить. Получилось бы не так красиво, как он хотел. Ми-

стер Айсберг посидел недолго и вскоре исчез, так как Генри хотел отметить этот большой праздник в окружении непристойных и чересчур веселых людей, предварительно оставив в бокале жены небольшое количество таблеток снотворного.

Проснувшись на привычном месте, он стал ждать Сару. Она изъявила желание отправиться на день рождения Господа в церковь Сент-Пауль — послушать хор. Она довольно долго собиралась, попутно предложив Сэму принять душ. Он был счастлив — возможно, она приготовила ему какой-то грешный подарок в столь святой день. Опять же было до конца неизвестно, поступит ли она в дверь или нет. Душ был в ее комнате, поэтому он мечтал, чтобы она ждала его на кровати. Но когда он вышел из ванной, комната была пуста.

Вдоль улиц валялись пустые бутылки из-под шампанского, которые еще не успели убрать; вместе с пустыми бутылками лежали и пустые люди в своих коробках. Он никогда не думал о том, как они отмечают такой праздник. Оказывается, они живут как в Рождество каждый день — это очень сильно озаботило Сэма. Этим людям некуда идти, хотя они вольны пойти куда угодно, и поэтому им и некуда деваться.

Она предложила доехать до храма на велосипедах, но тут было достаточно тем для отказа. Чем быстрее они туда доедут, тем меньше времени проведут вместе. Дальше припомнилось отверстие в черепе мистера Айсберга, полученное в результате использования механического средства передвижения, которое находится все еще неизвестно где, пока его жена по инерции душила подушку. Потом они шли по набережной. Сэм вставлял комплименты — все они были про нее: описывали ее ум и какие-то детали вроде правильного выбора ботинок, отдаваясь от главного, где надо было признавать свои личные ощущения, но это было невозможно. Ему казалось, что если он признается, то непременно все испортит, опозлит их прогулку, которая упиралась в собор святого Павла.

Сара сообщила цену билета, который стоил дороже билета в кинотеатр. Он, конечно, был не против послушать голоса хора, поздравляющие Господа, но фильм показался бы менее постановочным, тем более денег на храм, в котором он так никогда и не был, оказалось недостаточно, но виду он не подал. Оказывается, сегодня Господь принимал своих гостей бесплатно — день рождения все-таки, раз в год можно. Внутри, конечно, было красиво, эхом отдавался каждый шепот, особенно кашель присутствующих. Все места были забронированы заранее, так что опоздавшие терлись друг о друга, выкрикивая молитвы друг другу в уши. Эта теснота была нужна лишь Сэму. Он пропустил Сару, и она встала перед ним. Она была меньше ростом, потому с этого места ей было лучше видно священника на другом конце храма. Все пели, и она пела, а он стоял рядом с ней, чувствуя тепло ее тела. Он намеренно сделал вид, что плохо видит, так что его голова опустилась над ней, подобно движению шеи черепахи. Но не одежда священника пленила его, а ее волосы: кудрявый локон ласкал его кожу, запах бодрил. Его пронзило желание дотронуться до нее, прикоснуться к ее руке, но это было непозволительно. Отдергивание руки не пугало его так сильно, как ответ в виде взаимности. Это бы означало совместное проживание, где он не обеспечивает ее и заставляет ее надеяться на абстрактные перемены. Именно это положение вещей стирало его вместе с костями и кожей — найти единственного человека, о котором не можешь заботиться, и дарить все, что она заслуживает. Если он позволит ей влюбиться в него, то обречет ее жизнь на страдания, в которых ее преданность и красота будут отблагодарены лишь мутной надеждой на воплощение его планов в жизнь. Конечно, нужно было

прекратить слепое ожидание ответа королевы и начинать действовать самому. Нужно приступить к компьютерным программам, которые осуществят желаемую мечту. Тем временем пение закончилось, и люди стали расходиться. Сквозь поредевшую толпу стал виден алтарь с иконами, где ставили свечки. Сара пошла туда, взяла пару свечей и застыла на месте. Это действительно не человек — она светится ярче, чем все эти фитильки, а ноги у нее исчезают так же, как воск. Не может быть, в этом городе и в разных странах, где он был, он не знал, что существует она. Она, мол, навверняка за своих близких, навверняка думала сейчас и о нем, о Сэме. В таком случае он тоже присоединился к мольбам.

— Господи, спасибо за знакомство с твоим творчеством не в виде твоего дома, а в виде нее. Я и не знал, что ты так хорош, я бесконечно благодарен тебе и могу просить тебя только об одной вещи: пусть мы будем вместе, аминь.

Вложил свое желание в грудь остальных — стекать каплями на пол. В душе появилось больше пространства, будто что-то ненужное и лишнее исчезло, оставив место для свободного выдоха. Выйдя из дома Господня, он ощутил, что это непременно сбудется, ведь сам Господь поможет, нужно только подождать.

— Ты что? Верующая? — спросил Сэм наконец.

— Вовсе я неверующая.

Ответ этот смутил его, ведь она знает, как это делается и ради чего в свечи прячут свои записки.

— Но ты ведь только что поставила свечки, обычно это делают люди религиозные.

— Это не мешает мне ставить свечки, так как я верю в Бога по-своему.

Такие мудрые суждения только отдаляли от нее, он становился все меньше, гуляя рядом с ней. И уверялся все больше, что она и есть самая необыкновенная и загадочная, значительная загадка представлялась ему в том, что он был одинок в своих высоких суждениях, даже она о себе такого не подразумевала и принимала это как должное.

Стало резко смеркаться: солнце буквально улетало, напоминая ему о свече внутри. После заката небо приобрело зеленый цвет, и теперь ему ее глаза тоже казались зелеными. Он не мог сказать, какие они были на самом деле с полной уверенностью, так как переводил взгляд в другую сторону, дабы избежать контакта, да и невозможно было смотреть на нее, не хотелось себя выдавать, этот барьер между ними был все еще очень высок.

Он пытался вновь ее похвалить, поговорил про страстный цвет неба в этот день — не каждый раз в

Лондоне можно удивиться в существовании небес, так как облака вечно укутывают его, но сегодня Земля крутила чистейший небосвод. Должного эффекта на нее он не производил, как будто она уже давно по поводу него все решила и теперь тратит свое время из вежливости и остатков интереса. Обратные пришли быстро, настроение скакало, подобно ворону, с ветки на ветку, нарастали возбуждение и предчувствие скорых перемен. Оно улетало при виде Сары, которая не разделяла его радости, пребывая в себе. Сэм также не промолвил ничего о своем сердце — у женщин интуиция развита до чрезвычайности, компенсируя отсутствие грубой силы. Ее он наделил телепатией: она посмотрит в его глаза — и все станет ясно, но это не значит, что она сжалится, — этого не надо было и ему.

В доме ждали чемоданы. Мистер Айсберг с женой уезжали в круиз, Сара уезжала на следующий день. У нее было много вещей, в основном книг — научная публицистика, поэтому она попросила Сэма завтра помочь ей. Желание начинает сбываться. Родители уехали, а они выпили чаю и отправились спать. Он смотрел в потолок и думал о ней: может, нужно попробовать хоть что-то сказать, может, она ждет, не желая в этом признаться? Признаться, должно быть, проще — отпустить все, что накипело внутри, выплеснуть мысли, ведь женщины должны любить ушами, так как поступков было недостаточно. Завтра он все скажет ей, даже если ответа не будет. После путешествия на круизном лайнере все забудется — дельфины возле носа корабля все унесут.

Пришло утро, и он вежливо постучался к ней в комнату. Сэм был полон намерений признаться в чем-то, пока она упаковывала небольшую сумку. Стало неудобно, ведь он у нее даже не дома, а прямо в комнате. Заставит почувствовать себя в опасности, так как уйти будет некуда, а принимать помощь все-таки придется. Она пожаловалась, что у нее есть стопка писем, которые должны отправиться по адресам разных стран, — так она поздравляла дорогих ей людей, но из-за незапланированной поездки сделает это уже после Нового года. Это было расценено как призыв к действию, и он вызвался ей помочь, обязав себя выслать всю почту. Для нее это было спасение, а для него — очередная возможность доказать свою нужность поступками. Из дома их ждала дорога в бывшее бомбоубежище. Сердце перед прибытием поезда метро начало нервно всасывать литры крови. Она предложила ему жвачку. Это было явно приглашение к поцелую. Он хотел ей сказать, как сильно любит ее, но из-за шума не будет слышно

важных слов. Двери открылись, и вместо того, чтобы уйти, он остался с ней. Теперь с каждой остановкой они все больше приближались к аэропорту. Время уходило быстро, ему нужно было как-то высказаться, но всякий раз мелочи мешали ему — то остановка короткая, то на ногу наступят, — наконец, он определил, когда лучше сказать важные слова. Она стояла с ним, но отстраненно, лицо ее изображало строгую возвышенность, отчего он невольно оказывался во власти страха. Самое удобное время, когда поезд приезжает и двери открыты для маневра. Так он и сделал: не успев поезд остановиться, как он вякнул:

— Ты мне нравишься, пока, — и вышел, рассматривая ее реакцию через людей и стекло.

Он видел, как поезд уезжает. Она не высматривала его и не хихикала — просто продолжала смотреть в себя. Теперь он отправился на почту, показывать свою инициативность. Получилось это сделать только на следующий день: гордость поработила его воображение от того, насколько он заботлив, но она была побеждена ее ответом с сухой благодарностью. Неужели ей все дарят стихи, елки и время или он просто смотрит на себя через зеркало с дефектом, неужели нужно подарить всего лишь цветы, как все, чтобы наконец она почувствовала заботу?

С момента ее отъезда в душе появилось ощущение собственной неполноценности, ощущение того, что любимый человек находится даже в другом городе, тревожило его, он скучал. Эта скука быстро перешла в тоску, так как сразу же оказалось много времени на самого себя. Он начал плотно изучать компьютерное программирование уже не ради университета, а ради себя, слушал лекции. Как получилась она такой особенной, живя с Венди и сосуществуя с таким червем, как мистер Айсберг? Она была независимой от людей, она воспитала себя сама — возможно, роль родителей она взяла как пример того, чего делать не стоит. Комната теснила его мысли — им надо было дать волю на улице. Он прогуливался, ходил вдоль пустынных улиц, но не ощущал одиночества. Он живо представлял ее руку и теперь гулял с ней, будь то парк или набережная, они не расставались. В парке они кормили лебедей и весело смеялись — дорогу он в эти минуты переходил особенно аккуратно, только на зеленый цвет светофора.

На Новый год он подарил себе новую стрижку: хорошо прийти в этот год без ненужных мыслей и выбросить клочки головного мусора, оставив в волосах только воспоминание о ней. В Новый год пишутся записки с желаниями, потом они сжига-

ются, и пепел выпивается с шампанским под бой курантов. Самые запретные желания огласке не подлежат — могут не сбыться, но тут они оказались и так слишком очевидны.

Тоска проедала его, словно трупный червь, который завелся в сердце, отчего стирались очертания ее лица. Лишь помощь фантазии, где вместе они гуляли по улицам города, взявшись за руки, привела его в церковь. Туда постепенно набирался народ, становилось тесно, но место в углу для него все-таки нашлось. Он был в полном неведении, что скоро случится разговор с Богом, напрямую, и он поймет, что вело толпы людей молиться столь долгое время. У алтаря стояла статуя ангела в позе, готовившейся к полету. Как жаль, что в тот день он был один! Наверняка этот дом Бога оказался бы ей по душе. Такие мысли приходили от запаха светлой сырости в помещении. Фантазийный разговор и хихиканье с Сарой были прерваны звуками скрипки. Эти звуки доносились от колонн, где и сидел оркестр. Не с первых звуков он осознал, что они идут из храма, а не из его слуховых галлюцинаций, не сразу понял, что это был реквием Моцарта. В воздухе от таких мелодий можно было видеть витающих среди людей мертвых, кто когда-то проникся творением гения, создавшего этот шедевр. Ясно ощущались те краски, которые шептали Амадею эти ноты, которые заливались прямо ему в уши во имя его бессмертия и во имя его безымянных похорон. Возможно, он еле поспевал за этим непрерывным шепотом, который с треском ложился на бумагу. Такой же треск пребывал в Сэме Лавлоке: реквием отлетал от холодных стен прямо в сознание — это был язык Бога. Теперь, напрямую связавшись с создателем, он увидел взлетевшую статую ангела, который пустился танцевать с мертвыми, и взмолился: «Господи, дай мне воспарить с ними, и я поднимусь

над храмом, дай мне полетать, Господи, я хочу ощутить твою силу, подари и мне крылья, и мы с тобой вместе взлетим. Ты и так лучше меня знаешь, как сильно я должен жать твою руку, пока второй ты направляешь мои мысли. Ты обращаешь на меня внимание, а значит, вместе с тобой мы сотворим нечто. Только дай мне этот шанс, одолжи мне крылья, и люди увидят твою любовь, сконцентрированную на одном человеке. Хоть немного, но дай, пожалуйста». Говорить с Богом было проще, чем с Сарой, так как можно было быть намного откровеннее: все мысли, вошедшие внутрь, являются подаренными. За это он был безумно благодарен Богу, так как он ощущал его направление. Он знакомит его с людьми, сталкивая и сближая их, как атомы, на более мелком или звезды на высшем уровне во имя хаотичности гармонии. Главной встречей была, безусловно, она — остается только благодарить за это. Однако они все слились в единое. Именно тут и хотелось найти очередную подсказку, через эту музыку и одобрительное спокойствие хозяина этого мира. Ощувив это негласное согласие, которое прошло сквозь все тело, он захотел стать бессмертным. Это ощущение созвучия его молитв и их одобрение пришло на ступенях из храма, после концерта, на воздухе, где, виделось ему, обитали некие частички, благодаря которым его ждал тот самый полет, тот воздух уже нового года. Они жадно проглатывались, ибо насыщали легкие свежестью. Теперь он ждал ее приезда. Писать он не стал, говорить было не нужно, все уже решено наверху. Иногда, в минуты сомнений, навеянных обыкновенной логикой и ее молчанием, он думал, что нужно совмещать духовные события с реальным миром, а именно с действиями, так что по окончании круизного странствия ее ожидало открытое сердце Сэма Лавлока.

Продолжение следует.